

ВЛАДИМИР МОРОЗ

Красная строка

Красную строку своей жизни
Кладешь на белый лист бумаги
И жаждешь
Отзыва из Вселенной.

Но через страниц пять
Оказывается, что приоткрывшиеся было двери заперты,
И ты в полутемном коридоре
Оглядываешься, как маленький мальчик.

И вдруг видишь себя в белорусском поле,
Пашешь и сеешь, как твои прадеды, веря, что жито – будет.

Твои сомнения и тревоги – не их заботы и доля,
Их жизнь – не твоя жизнь...

Улица Горести

И ты пылинкой прошелестел по скрижалям Времени
И отозвался в слабом слове.
По улице Горести
Еле-еле бредешь под тяжестью креста
Под палящим солнцем.

А вокруг галдящий народ,
Но каждый одинок, как и ты.
По улице Божьего Сына
Господь дал тебе пройти
Метров триста.

Тебе открываются неизвестные миры
Дверь за дверью –
Вдруг на улице Веры
Ты узнаешь ответы на все вопросы?

Ты ведь, собственно, и не отчаивался в жизни,
Просто не хватало этой дороги.
По туманной улице Надежды,
Возможно, придешь к какой-то истине.

Но вот поворот на улицу Любви –
Улицу страданий, низости и нежности,
Может, станешь иным,
Пройдя её?

Выйдя на улицу Радости,
Не успеешь поднять глаза к воссиянному солнцу,
Как уже ступишь на первый брусчатый камень
Улицы Горести.

Голгофа

Где дольные и горные дороги
Сходятся в одну безмерную, –
Голгофа на сквозняке, –
В третьем измерении, неподвластна векам.

Изнеможенный, восходил Он сюда,
Неся тяжкий крест,
Толпа кипела, как стадо вшей,
Топча его последние следы.

Толпа кричала: – Распни его! Пусть умрет!
Крови! Крови!
Если он – сын Божий, пускай спасет хотя бы сам себя.

Он знал, что спасает мир,
Он знал, что показывает дорогу.
Задрожала Земля, встала тьма –
Так начался
Отсчет
Нового Завета.

Кровоточит Голгофа
На вековом сквозняке.
Колелблется зябкий огонек свечи.
Дорога восходит в небесное никуда.
У Богородицы горе в глазах.

Чудо в Кане Галилейской

Первое чудо – ожидаемо:
Вскорости вода станет вином.
Ты сегодня избран на праздник,
Сидишь за свадебным столом жизни.

Вспомнишь себя, молодого,
Ночи, рассветы, закаты, мосты над темными реками,
И еще раз попросишь у Господа счастья земного,
Чтобы венец клался к венцу,
Как в белорусском срубе.

Все, – живые и умершие, – позваны на эту свадьбу,
Нескончаем их хоровод,
Со смутной улыбкой глядит на них моя королевна,
Конечно же, я буду счастлив.

Надеюсь, что и Он пройдет здесь тенью,
Взглянув на нас.
И вино не кончится на празднике жизни.

Горняя пряжа ткется меж нами – людьми, нелюдьми –
Под бликами гроз.

Не знаю, приду ли я, наконец, домой
Припасть к родному порогу.

Давай же выпьем, родная,
Вина, рожденного из воды,
Как юные, как с рассветами, закатами, мостами над темными реками...

Ключарь

Стою один
пред соблазном одиночества.
Как часовой, поставленный когда-то
и всеми забытый.
К тесным воротам приставленный,
ведущим в жизнь,
в Царство Небесное,
к истокам своим, к Отчизне любимой.
Немногие находят этот путь,
еле слышимый гул свидетельствует –
мирские забавы проносят людей
мимо – широкой дорогой,
напиханной авто,
мчащимися беспрестанно
навстречу обманному блеску городов,
где всё ради утехи плоти:
ресторации, игрища, музыка,
бьющая ритмами в голову
и вышибающая последние мысли.
К чему искать веры,
если можно усладить плоть?
Широкие двери отворены настежь,
зовут, зовут неверным светом
отдаться радости бытия.
На стремительной скорости
не заметишь узкой тропинки,
ведущей от железных и асфальтовых лент,
перепоясавших тело Отчизны,
тропинки – к истинной цели,
к вечной жизни,
а не в погибель.
Тропинки
с крестом в устье,
не заросшей лишь
из-за следов немногих,
идущих тропюю узкою,
стучащих в тесные ворота,
и я отворяю им.
Всем, кто дойдет, отворено будет.
Отворятся поля нашей Отчизны,
отворится свет доброты Его
над Беларусью,
её людьми,
её прошлым и будущим,
знамениями столетий.

Пройти вратами памяти,
понять эти знаки –
и сплетутся в одну суровую нить
прошлое и будущее,
и будет ясным лик Беларуси.
И если придет Господь с вопросом,
куда подевали мы добродетель,
где зарыли таланты свои? –
сможем ли мы ответить?
Я не знаю,
когда придет хозяин дома –
ночью ли, вечером, с первыми петухами?
и спросит: Откуда вы? кто вы? зачем вы пришли к этим вратам?
Ищите ж пути горние,
тропинки узкие и тесные врата,
ведущие в жизнь.
Стучите – и будет открыто.

Сеятель

Сеем разумное, доброе, вечное.
Сеем любовь к Батьковщине своей.
Жаль, урожай небогатый.
Ибо не знаем, куда
падают семена,
и не радеем об этом.
Клюют семена придорожные птицы.
Места каменистые, где чуть земли, не дают плодов.
А если клочок плодородный –
его чужаки сорняками засеют,
и трудно потом собирать урожай – зерно с сорняками.
Сеятель сеет слово.
Но многие ли поймут его?
Придет недобрый и тихо скрадет ростки их сердец.
Многие тянутся к слову,
но слово сочтется кровью –
многим ли это под силу?
Иные услышат,
но суета и жажда богатства
слово затмят,
оставят бесплодным.
Лишь немногие избранные,
слыша горние литания и понимая их,
взрастят из слова плод,
найдя поле с вратами
в Царство Небесное.
Их удел
искать это поле ради Отчизны своей,
чтобы продлилась история наша,
чтобы не стали мы сами
могильщиками Отчизны.

Хватает, хватает недобрых,
только и ждущих, когда
забудем мы свои корни,
забудем свои истоки...
Если соль потеряет силу –
чем ты осодишь землю,
какие взойдут плоды?
Пустыня одна останется
на месте наших полей и лесов.
Найди это поле,
вспаши его,
освободи от чёрных камней.
Сей вечное,
как сеяли предки,
заботясь об Отчизне.
Пускай и трудно
отделить рожь от сорняков, сжечь их в печи,
а рожь ссыпать в сокровищницу Батьковщины.
Но мы заботимся боле –
что есть нам и пить,
во что одеться,
беспокоимся днем сегодняшним.
Не просим у Господа пути
стране своей,
не ищем зерна надежды,
что вырастет выше травы,
сделавшись деревом,
в ветках которого птицы небесные
совьют гнезда.
Продолжим заботы шедших пред нами,
вскормлявших ниву Отчизны –
и встанет с молитвою Беларусь,
и всколосится нива,
запламенеет рожь,
дадут семена плоды.
И сам Господь пошлет
на жатву
работников своих,
и будут пахарь, сеятель и жнец – как одно,
и радость грядет великая,
и Божий свет пробежит по земле.

Монолог Второго

Усердствуешь, поганец?
Злые слова бросаешь Ему:
если ты Христос, спаси себя и нас?
Ты не боишься Бога, раз сам с ним на кресте?
Нас-то осудили справедливо,
потому что мы выжгли свои поля и луга, вырубili свои леса,
такие величественные и приветные, шелестящие и задумчивые,
богатые и беззащитные.

Мы выкалывали голубые глаза земли нашей – озёра,
заполняли их, и реки, и речушки нечистотами нашими.
Мы алчно высасывали воздух Отчизны,
и восходил смрад над частоколом труб-башен.
Мы резали могучими железными плугами
плоть земли нашей –
дабы иссякла живородность её,
дабы не стало хлеба насущного...
Мы испакостили всё.
Но самое страшное –
мы забрали у народа нашего
его песни, его праздники,
его память,
его прошлое,
зарыв историю нашу чужими лопатами.
Мы сгубили лучших белорусов,
не оставив даже эха их голосов.
И, наконец, –
мы вырвали с корнем душу народа –
его речь,
и лишь немногие взмолятся ею,
болея Отчизной.
Жгли наши книги,
чтобы и буквы родной не осталось.
Преступления наши неизмеримы.
Так будем же мы распяты – по нашим делам, по справедливости.
Есть она,
ведь сейчас на Голгофе
не белорусский народ, нами преданный,
который тянули сюда что есть силы,
а мы – убийцы и пакостники, воры и клятвопреступники.
А Он? –
Он ничего плохого не делал,
разве что принимал на себя наши грехи...
Так покайся, поганец!
Ведь скоро тьма покроет нашу землю.
За три часа долгожданный свет
зальет измученную Батьковщину...
но мы уже не увидим его...
О Боже, прими моё покаяние!
Поздно открылось мне,
что не может никто превозмочь свой народ и землю его.
Помяни меня, Господи,
когда вернешься в Царство Своё!

Перевод с белорусского языка
Петра КОШЕЛЯ